

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ненецких песен полуострова Канин

Я. Ниemi (Jarkko Niemi),
заведующий отделением музыкальной антропологии
Университета Тампере (Финляндия)

Канинские ненцы — самая западная территориально выделенная группа тундровых ненцев, проживающая на Европейском Севере России. В настоящей статье определяются основания для их выделения как особой этнографической группы и по музыкальным признакам. В контексте аналитической презентации канинских напевов коснемся вопроса теоретико-методического плана: какими должны быть научное понимание и интерпретация чрезвычайно сложных песенных стилей коренных северных народов? В российском музыковедении этот вопрос поставил — именно относительно северных песенных стилей — Э. Е. Алексеев уже в 1970—1980-х гг.¹ Его исходная идея о значимости звуковысотной и метроритмической функциональности в формировании музыкальной структуры заслуживает большого внимания, поскольку имеет прямое отношение к аналитическому пониманию северных и вообще внеевропейских форм традиционной музыки².

Концептуализация песен и их музыкальных параметров в северных культурах — по крайней мере в культурах северных самодийцев — приравнивается к концептуализации языка. То же самое касается концептуализации эстетики музыкального выражения. Певцам-мастерам и их слушателям достаточно петь, слушать, реагировать на исполненное, так же как и в речи: носитель культуры осваивает язык своей культуры постоянно, в течение длительного времени. Особая учеба не нужна. Подобная ситуация складывается с традиционной музыкой: песенный репертуар и техника исполнения осваиваются в длительном естественном процессе. Поэтому особый концептуальный язык применительно к музыке названных культур не нужен. Песня — это естественная система

© Я. Ниemi, 2008

передачи культуры, имеющая глубокие исторические корни. Ее понимание должно включать в себя понимание организации речевого текста.

Подчеркнем, что это наше личное представление, возникшее в результате многочисленных разговоров с отдельными ненецкими певцами-мастерами. Конечно, было бы наивно отождествлять данное мнение с «окончательной правдой» о целой культуре, не говоря уже о культурном ареале ненцев — от полуострова Канин Архангельской области до таежных просторов лесных ненцев Пуровского района в Сибири. Это часть отдельного, важного методологического вопроса: как исследователь определяет методы сбора данных для своего исследования? Как поддерживает свой авторитет? Как убеждает читателя, что именно он призван репрезентировать чужую культуру и что материалы, выбранные им, на самом деле репрезентируют изучаемую культуру? Наиболее надежным кажется такое положение, когда исследователь делает исходные точки зрения как можно более прозрачными, когда он определяет себя как репрезентанта чужой культуры и оговаривает репрезентативность выбранных им материалов.

КАНИНСКИЕ НЕНЦЫ

Тундровые просторы Европейского Севера России разделены по ландшафту на отдельные более или менее компактные полосы. К западу от Северного Урала, до реки Печоры, находится огромная Большеземельская тундра. От дельты Печоры до реки Индигирки тянется Малоземельская тундра, а оттуда до основания полуострова Канин — Тиманская. Крайняя западная тундровая зона Архангельского Севера — полуостров Канин — родина самых западных европейских тундровых ненцев.

Ненцы являются представителями самодийской языковой группы, доисторические корни которой проистекают с юга Западной Сибири. Самодийская экспансия на Север, по европейским тундрам — длительный процесс, который закончился на границе исторического времени. В Средневековье самодийские группы заселили вышеупомянутые европейские тундровые полосы, которые отнюдь не пустовали: ученые³ считают, что самодийские группы встречались с разными древними неизвестными группами северян и в течение длительного времени, в результате войн, столкновений, союзов и межэтнических браков слились в народы, о которых у нас есть сведения сегодня.

Приблизительно так складывалась и этническая история канинских ненцев. Они представляют собой особую группу ненцев как по диалекту ненецкого языка, так и по этнографии. Есть различные свидетельства связи канинских ненцев с саамским населением Кольского полуострова, позднее — с северными коми-оленеводами на полуострове Канин и в отдельных случаях на Кольском. Далее, как известно, берега Белого моря — до самого полуострова Канин — с конца XVII в. стали территорией русских поморов⁴.

На судьбу коренного населения Архангельского Севера во многом влияли вышеназванные межэтниче-

ские, географические, экономические и административные факторы этих территорий как частей Российской империи. «Самоядь» была известна уже новгородским купцам⁵, а в Московской Руси коренные жители Севера стали плательщиками дани. При подобных обстоятельствах понятно, что процесс русификации наиболее интенсивно шел именно у западных ненцев.

Однородность ненецкого населения на полуострове Канин наблюдается и сегодня. Следы старых родоплеменных отношений у канинских и у других ненецких групп ощущаются, например, в фамилиях. Так, хотя у канинских ненцев распространены фамилии Ардеев, Бобриков, Каныков, Латышев, Бармич и др., они или русифицированы, или заимствованы у русских, но многие ненцы еще помнят свои старые ненецкие корни. Так, Ардеевы происходят из ненецкого рода Вэ"ли, Бобриковы — из рода Сядэй⁶.

ПЕСНИ КАНИНСКИХ НЕНЦЕВ

Сведения о песнях канинских ненцев исключительно редки. Их жизнь и быт изучены этнографами, лингвистами и краеведами, но специальных музыковедческих работ практически нет. «Классикой» ненецкого устного народного творчества являются «Эпические песни ненцев», составленные З. Н. Куприяновой⁷. В этой публикации большая часть текстов ненецких повествовательных песен записана в 1948, 1949 и 1959 гг. в Малоземельской тундре, что западнее Печоры. В известной и во многом информативной статье Б. М. Добровольского⁸ «О напевах ненецких эпических песен» отражены следы той же напевной протяжности, какую в большей степени мы наблюдаем в песнях канинских ненцев. Поскольку Добровольский имел в своем распоряжении полные расшифрованные тексты песен, он мог четко интерпретировать и разделять напевы на мелострочки. В этой статье, однако, обсуждаются напевы малоземельских ненцев; сведений же о канинских там нет.

Сравнение малоземельских материалов с канинскими дает основание полагать, что ненецкие песни на западе от Печоры имеют некоторые общие черты, не встречающиеся в песнях восточных ненцев. Вспомним, что в более поздних собраниях и публикациях ненецких песен Малоземельской и Тиманской тундры, например А. А. Гомон⁹, наблюдаются те же стилиевые черты. Из-за невозможности опираться на ненецкие тексты песен выводы автора о песенном стиле сосредоточиваются в основном на ладовом плане.

Записи песен именно канинских ненцев единичны. В наши дни песенное творчество канинских ненцев представлено почти без исключения песнями и исполнением Елизаветы Павловны Ардеевой — уроженки Канинской тундры. Она сохранила обширный репертуар повествовательных и личных песен и уже давно стала главным представителем своей культуры. Елизавета Павловна является общеизвестным ненецким исполнителем, уже давно поет на сцене как на канинских, так и на иных эстрадах, вплоть до Франции.

В марте 2002 г. мы участвовали в путешествии президента Ассоциации ненцев Ненецкого округа «Ясавэй» В. В. Пескова по зимним стойбищам оленеводов и поселкам. Главной целью у нас была работа в селе Несь со знатоками песенного фольклора. В этом селе в беседах с Е. П. Ардеевой выяснилось, что в послевоенное время стали более планомерно проводиться культурно-просветительные мероприятия, включая и выступления мастеров местной культуры. Талантливые певцы Канинской тундры Е. П. Ардеева и Александра Ефимовна Маркова (Латышева) часто вызывались исполнить песни своей родины. Интересно, что их искусство практически не подвергалось никакой аранжировке или фольклоризации. Пели они по очереди, а не вместе, так как групповое пение не является характерным для ненцев, пели в стиле своих предков, и, таким образом, их репертуар сохранился до наших дней в относительно традиционном виде.

Песни в исполнении Е. П. Ардеевой были записаны в 1970-х гг. на ненецком окружном радио, а одна — на

как в третьей строке 'арка тюняхана'), затем — шестисложная строка, после чего — окончательный евфонический слог [цэй]:

(а -р(а) -ков)нар-ка тю-ня- ха- нов(а) (цэй)

Стихосложная система допускает и исключительные словосочетания. Если в первом слове только один слог: *не папакодов*, то после первого слова (слога) ставится лополнительный слог [цэй]: *не [цэй]* который не повторя-

не сложного слова, например: *ха-са-ва* (мужчина) произносится *ха-сов*.

Структура напева, с одной стороны, очень развернутая, а с другой — середина строки с основным шестисложным текстом идет, почти как речитатив, на одном звуке. В макроструктуре напева заметны чередование двух звуковысотностей (в нотировке *си* и *до-диез*) и организация этого чередования в парных мелодических строках (А и В). Распевные сегменты напева выявляют и другие звуковысотности (*ми* и *ля*), которые вместе с основными можно понять как ангемитонный звукоряд *ми—до-диез—си—ля*.

Что касается звуковысотной структуры, вывод возможен только на общем уровне: в напеве чередуются две относительно близкие звуковысотности в интервале секунды или терции. Напев украшен и верхним, и нижним звуковысотными уровнями (*ми* и *ля*), которые расширяют диапазон вверх и вниз. Одновременно общий звуковысотный уровень песни постепенно повышается: звук, который обозначается нотой *си* в самом начале песни, в конце звучит уже как *ре-диез*. Это типичное явление в исполнительской практике традиционной песни, особенно в сольных стилях без участия аккомпанирующих инструментов.

Второй пример — повествовательный *хынц* в исполнении Александры Ефимовны Марковой (Латышевой) — знаменитой фигуры среди канинских певцов-мастеров. В начальном эпизоде песни описывается стойбище Сэродэта, где живет женщина Тасийне — под контролем ее снохи, которая имеет колдовскую силу. Муж Тасийне — Сэродэта — собирается в дальний путь в город Салехард.

Óúö «Iáa OàñááIá», eñi. Á. Á. Iàðéiáa. Iàðüýi-Iàð, 21.8.1994. ÇIèñIá

Áàðéóë, á' yáá'ia, éñi. A. Á. làðéiáa. làðüýí-làð, 21.8.1994. Çàìèñü è ïòèðîâèè: ß. Íèàèè

В этой песне метрическая основа весьма проста: после шестисложного стиха следует длительная концовка:

а-в(а) сер-ть(я)' тар-ча (128)

Наблюдается также простой принцип мотивного чередования на уровне строки. Почти закономерно чередуются два типа строки (А и В в нотировке). Правда, в третьем метрическом сегменте заключение осуществляется или на уровне тона *ми* (строка А), или скачком вверх *до-диез*² — *ре*² (В).

В ладовом отношении этот напев характеризуется четырьмя довольно устойчивыми тональными уровнями (ми², ре², до², ми²), которым добавляются оба (ми² и ре²), однако в отличие от прелюдии (128) проступают две тональные опоры (*ля*² и *ми*²). *Ми* является кадансовым звуком и поэтому логично выступает как основной тон лада.

* * *

В будущих публикациях будет дана более объемная презентация мелодий канинских ненцев, и тогда будет возможно основательнее представить канинские напевы. Из-за малочисленности материалов остаются открытыми вопросы: насколько песенные стили приведенных здесь образцов в действительности отражают традиции канин-

ских ненцев или же мы можем говорить только о воплощении музыкального пространства именно этих исполнителей? Существует ли подобное в мужской традиции? Из единичных примеров песен в мужском исполнении, причем только в жанре повествовательной песни хынц, возникает ощущение, что сходные напевы чрезвычайно широкого диапазона у мужчин не встречаются.

В изучении музыкальных традиций народов Севера необходимо пересмотреть методику анализа исходя из самого конкретного материала. Так, например, более результативно работу с подобными канинскими напевами начинать с определения метрически основных опорных звуковысотных уровней. Однако, как видно уже при предварительном анализе, метрические сегменты текста песни не дают однозначного решения этой проблемы. Организация текста в стихотворной, метрической форме в песне оформляет метроритмический базис, но сам напев имеет явно автономный характер. Это одно из самых очевидных различий между ненецкими песнями и, допустим, финско-карельскими причетами, где функция звуковысотности тесно связана с ударением в словах, что является также одним из принципов речитации. В этом смысле редкие ненецкие песни полуострова Канин или других районов несправедливо называть речитативными из-за автономии напева от текста.

Своеобразие стиховой структуры песни — одно из самых удивительных явлений ненецкой певческой культуры, общее как для канинских, так и для пуровских или

енисейских песен ненцев. По нашему мнению, феномен ненецкого песенного стиха вполне заслуживает того, чтобы быть представленным в издании ЮНЕСКО «Шедевры устного нематериального наследия человечества».

Примечания

- ¹ Алексеев Э. Е. Проблемы формирования лада (на материале якутской народной песни). М., 1976. С. 112—118 ; Его же. Ранне-фольклорное интонирование — звуковысотный аспект. М., 1986.
- ² См. подробнее: Niemi J., Lapsui A. Network of songs. Individual songs of the Ob' Gulf Nenets: Music and local history as sung by Maria Maksimovna Lapsui. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 248. Helsinki, 2004. S. 40, 43—44.
- ³ См. например: Васильев В. И. Полуостров Канин // Васильев В. И., Гейденрейх Л. Н. Тундра Канинская. М., 1977. С. 1—108 ; Его же. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.
- ⁴ См.: Евсюгин А. Д. Ненцы архангельских тундр. Архангельск, 1994.
- ⁵ **Ключевые слова:** полуостров Канин, ненцы, этномусыкология, стиль пения, особенности песен, индивидуальный стиль, седелъ-хьенрайде. Д. Указ. соч. С. 13.
- ⁶ См. подробнее : Васильев В. И. Проблемы... С. 134—139.
- ⁷ Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев / ред. Е. М. Мелетинский. М., 1965.
- ⁸ Добровольский Б. М. О напевах ненецких эпических песен. Эпические песни ненцев / ред. Е. М. Мелетинский. М., 1965. С. 757—780.
- ⁹ Гомон А. А. О некоторых особенностях традиционных ненецких импровизаций. Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами / ред. И. Рюител. Таллинн, 1980. С. 205—213 ; Gomon A. Expanded Melodic Scale in the Oral Tradition of the Nenets Folksong // Ural-Altai Yearbook 62. Bloomington, 1962. С. 75—87.
- ¹⁰ Под полярной звездой — традиционный и современный ненецкий и печорский фольклор (Мелодия М90 48949 008, 1989 г.).
- ¹¹ Musiques de la toundra et de la taïga URSS: Bouriates, Yakoutes, Tougouses, Nenets et Nganasan (Maison des Cultures du Monde, Inedit, MCM 160 004, 1987 г.).
- ¹² См.: Niemi J. The Nenets songs — A structural analysis of text and melody. Tampere, 1998 ; Скворцова Н. М. О музыке традиционных ненецких песен // Фольклор ненцев в записях 1911, 1937, 1946, 1953, 1965—1987 годов / сост. Е. Т. Пушкарева, Л. В. Хомич. Новосибирск, 2001. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; т. 23).
- ¹³ С точки зрения лингвистики первая объемная презентация этой темы содержится в работе: Хелимский Е. А. Глубинно-фонологический изосиллабизм ненецкого стиха // Journal de la Société Finno-Ougrienne 82. Helsinki, 1989. S. 223—268.
- ¹⁴ Относительно расшифровки и перевода текстов — это совместная работа не только с Е. П. Ардеевой и А. Е. Марковой, но и особенно с профессором Марией Яковлевной Бармич, заведующей кафедрой уральских языков в Институте народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), которой хотим выразить нашу глубокую благодарность.
- ¹⁵ См. подробнее, например: Пушкарева Е. Т. Личные песни ненцев // Современное финно-угроведение — опыт и проблемы / ред. О. М. Фишман, Е. А. Рябинин и И. В. Дубов. Л., 1990. С. 81—85 ; Niemi J. The Nenets songs... ; Niemi J., Lapsui A. Network of songs...

Поступила 11.09.2008